

После завтрака съёмочная группа огласила гостям задание на первый день.

Издалека к площадке подъехал огромный фургон, груженный саженцами. В воздухе тут же разлился тонкий аромат.

Режиссер Чэнь обратился к собравшимся: Это саженцы Дерева Эдгевортia. С древних времен они символизируют неразрывную связь и крепкие узы. Благодаря своей необычной форме и чудесному запаху, эти деревья всегда были любимы людьми.

У нас есть шесть саженцев. Ваша задача на сегодня — посадить их. С этого момента каждое дерево станет вашим личным Древом Любви! На протяжении всех съёмок каждый из вас будет ежедневно получать красную нить, символизирующую сердечную привязанность. Вы сможете повязать её на Дерево Эдгевортia того, кто вам симпатичен. Возможно, однажды он поймет ваши чувства!

Чэн Чэн невольно покосился на Шэнь Жаньсиня.

Тот, однако, остался совершенно равнодушен к романтическим описаниям режиссера Чэня. Засучив рукава, он схватил лопату и принялся искать подходящее место для посадки. Остальные гости тоже разобрали инструменты и принялись выбирать участки на просторной поляне.

Шэнь Жаньсинь наконец присмотрел местечко с мягкой, рыхлой почвой и быстро принялся копать яму. Чэн Чэн, стоявший неподалеку, тоже начал копать небольшую лунку.

Все старательно работали лопатами, стремясь поскорее закончить: солнце припекало всё сильнее. В конце концов, все они — либо актеры, либо айдолы, зарабатывающие на жизнь своим лицом, и нежная кожа не была рассчитана на такой зной.

И только Гу Ифэй, похоже, совсем забыл, что его лицо — его главный капитал. Он привередливо выбрал среди саженцев тот, который показался ему наиболее эстетичным, а затем похлопал Цзян Е по плечу.

— Эй, выкопай мне яму.

Цзян Е, чья светлая кожа уже успела покраснеть от солнца, вытер пот со лба и нахмурился:

— Я еще свою не закончил.

Гу Ифэй боялся связываться с Шэнь Жаньсином, а тем более с Лу Чжи, но этот прямолинейный простак-альфа казался легкой добычей.

— Помоги сначала мне. Тебе ведь всё равно придется копать для себя, не заставишь же ты

меня, омегу, работать лопатой?

Цзян Е бросил взгляд на Фан Юя и Чэн Чэна, которые всюду трудились:

— А что, омеги не могут сами копать? Они вон копают. У тебя что, рук нет?

— Разве я такой, как они? Мои руки созданы для игры на музыкальных инструментах, я не могу заниматься такой грубой работой! — Гу Ифэй надул губы. — Ты же альфа, должен мне помочь. Никакого воспитания! Зачем вообще пришел на шоу о любви? Лучше бы сидел дома и в свои игры играл...

Цзян Е не хотелось продолжать спор под прицелом камер, поэтому он, нехотя подняв лопату, спросил:

— Где копать?

Гу Ифэй указал на место неподалеку:

— Здесь.

Цзян Е прокопал яму глубиной около тридцати сантиметров, но Гу Ифэй остался недоволен:

— Нет, забудь. Почва здесь выглядит не очень, давай сменим место.

Цзян Е: «...»

Гу Ифэй снова начал выбирать, переходя с места на место. Цзян Е долго копал, но тот всё равно был чем-то недоволен и требовал перемен.

Цзян Е нахмурился, в его голосе прозвучало раздражение:

— В последний раз. Если снова передумаешь — копай сам.

— Что ты такой нетерпеливый? Я просто хочу найти самое подходящее место для своего Древа Любви, — фыркнул Гу Ифэй. — Ты ведь пришел на шоу, чтобы заработать денег на новое оборудование для своей команды? Если будешь послушно помогать мне, я сам оплачу всё ваше оборудование!

Цзян Е поджал губы и промолчал.

В этот момент чья-то рука перехватила лопату Цзян Е. Тот вздрогнул и поднял голову.

Фан Юй выглядел измотанным, но даже под палящим солнцем оставался невероятно

притягательным. Его здоровая смуглая кожа блестела от пота, капли стекали по шее к белому воротнику, скапливаясь в изящных ямках ключиц, а затем неконтролируемо срывались вниз, пропитывая ткань на груди.

У Цзян Е перехватило дыхание. Он невольно сглотнул, отвернулся и потер горящие кончики ушей.

Так хочется пить... Это из-за жары?

— На улице такая жара, нашего малыша Цзян Е уже докрасна прожарило, как креветку.

— Пользуйся солнцезащитным кремом! Капитан Сяо Цзян такой белокожий, он же сгорит мгновенно!

— Гу Ифэй, оставь в покое нашего капитана, у него уже кожа слезает!

— Хотя у Гу Ифэя ампула капризной красавицы, это уже перебор. Капитан Сяо Цзян свою яму не закончил, а уже выкопал для него четыре или пять штук!

— Фан Юй, спасай нашего капитана! Он еще слишком наивен, чтобы отказать!

Фан Юй улыбнулся:

— Мое дерево уже посажено. Давай я закончу за тебя, а ты иди доделай свою работу?

Гу Ифэй проворчал:

— Только копай как следует. Ты же омега, неужели не справишься?

Фан Юй слегка подтолкнул Цзян Е, отправляя его доделывать задание, а сам взялся за лопату, чтобы закончить яму, которую начал Цзян Е.

Сделав пару шагов, Цзян Е упрямо вернулся:

— Я сам. Отдыхай.

Фан Юй отмахнулся:

— Ой, да брось. Я постоянно тренируюсь, для меня это сущий пустяк...

Тем временем Шэнь Жаньсинь, Лу Чжи и Чэн Чэн, опираясь на лопаты, стояли перед прямоугольной ямой длиной три метра, шириной в метр и глубиной полметра, погруженные в глубокие раздумья.

Спустя некоторое время Шэнь Жаньсинь произнес:

— Я просил вас выкопать ямы для деревьев, а не могилу. Кого вы собрались здесь хоронить?

Изначально Шэнь Жаньсинь отлично справлялся в одиночку, но Лу Чжи и Чэн Чэн решили копать прямо рядом с ним. В итоге три ямы слились в одну, напоминающую место для захоронения.

Раз уж выкопали, пришлось сажать деревья в одну линию. Закончив, они обернулись и заметили перепалку неподалеку. Шэнь Жаньсинь, закинув лопату на плечо, направился к ним.

Увидев его в такой зной, Гу Ифэй покрылся холодным потом:

— Т-ты... зачем пришел?

Шэнь Жаньсинь ответил:

— Мы закончили. Решили узнать, не нужна ли вам помощь.

— Н-нет! — тут же выпалил Гу Ифэй. — Нам не нужна твоя помощь!

Шэнь Жаньсинь кивнул:

— Капитан Сяо Цзян, пошли.

Цзян Е потянул Фан Юя за собой, и они направились в тень. Гу Ифэй хотел их окликнуть, но не решился. Вчерашний вечер оставил у него слишком сильное впечатление, которое придется переваривать еще несколько дней, поэтому ему оставалось лишь сдерживать слезы и копать самому.

Но не успел он сделать пару движений, как лопата ударилась обо что-то твердое, отчего руки онемело задрожали.

Заглянув в яму, он увидел черный горшок. Гу Ифэй поспешил позвать Фан Юя:

— Фан-лаоши, подойдите, посмотрите, я, кажется, что-то откопал!

Те, кто ушли вперед, услышав голос Гу Ифэя, вернулись обратно.

— И правда, что-то есть, — Чэн Чэн посмотрел на горшок. — Что это?

— Похоже на те горшки, в которых в деревнях квасят капусту, — предположил Цзян Е.

Фан Юй неожиданно вставил:

— Ты хочешь сказать, что это старая квашеная капуста?

Все: «...»

Подул холодный ветер. Шэнь Жаньсинь зловещим шепотом произнес:

— Тс-с, такие вещи нельзя произносить вслух.

— П-почему? — лицо Гу Ифэя стало мертвенно-бледным, видимо, он представил себе что-то другое, что могло бы лежать в таком горшке.

— Потому что... — голос Шэнь Жаньсиня стал еще тише, отчего даже в самый разгар лета повеяло могильным холодом.

У Гу Ифэя подкосились ноги, он рухнул на землю. Его пальцы коснулись черного керамического бока, он истошно завопил и от страха потерял сознание прямо на месте!

— Потому что производитель квашеной капусты не заплатил за рекламу, — Шэнь Жаньсинь моргнул и с недоумением посмотрел на упавшего Гу Ифэя. — Посмотрите, как парня разморило, уснул прямо в поле. Молодость — это прекрасно: прилег и сразу заснул.

Все: «...»

Ты действительно невыносим!

<http://bllate.org/book/22429/2355132>